

Глава I. ПРИ ДВОРЕ

ХОХОТУШКА-ТРАВЕСТИ

В XVIII веке дамы с удовольствием переодевались в мужчин, а кавалеры легко выдавали себя за дам. Эти галантные игры провоцировала сама мода, манерная и женственная, заставлявшая всех, независимо от пола, пудриться, румяниться, носить парики и блестящие парчовые костюмы.

Императрица Елизавета Петровна ревностно следила за новостями большой французской моды и старалась не отставать от мадам Помпадур, которая иногда переодевалась юношей. К тому же Елизавета знала, что неотразима в мужском костюме, и, надев камзол, кафтан и юлоты, появлялась на маскарадах. Мудрая придворная публика талантливо притворялась, что не узнавала ее величество.

Великая княгиня Екатерина Алексеевна (будущая императрица) была свидетелем этих перевоплощений. Она тихо наблюдала за мужественной Елисавет, отмечая изящество ее фигуры, грациозность движений, легкость поступи, словом, всё, чем обладали тогда истинные кавалеры. В своих «Записках» она привела описание маскарада 1744 года, на который Елизавета явилась в мужском костюме и после виртуозно исполненного менуэта промаршировала к Екатерине: «Я позволила себе сказать ей [Елизавете Петровне. — *О. Х.*], что счастье женщин, что она не мужчина, и что один ее портрет, написанный в таком виде, мог бы вскружить голову многим женщинам. Она очень хорошо приняла то, что я ей сказала от полноты чувств, и ответила мне в том же духе самым милостивым образом, сказав, что если бы она была мужчиной, то я была бы той, которой она дала бы яблоко».

Вероятно, Екатерина Алексеевна видела императрицу в том самом костюме, в котором ее запечатлел художник Луи Каравак в середине 1740-х годов. Это, безусловно, те маскарадные кафтан и парик, которыми она столь легко вводила в заблуждение современниц.

Елизавета была заядлой охотницей, хорошо держалась в седле, неплохо стреляла и в сороковые годы любила гоняться за дичью в мужском обличье — фигура это еще позволяла. В июле 1745 года, приехав в имение графа Разумовского, она сыто и пьяно провела вечер и выразила желание

Шарль д'Эон. Гравюра. 1777 г.

Шарль д'Эон, капитан от драгун. Гравюра XVIII в.

Русский паспорт Шарля д'Эона. 1760 г.

Архив библиотеки Лидского университета

пострелять зверя. На следующее утро царица «изволила шествие иметь, верхом, в мужском полевом платье на охоту, в поле, с кавалерами».

Возможно, мужские наряды ей шил любимый придворный портной Иоганн Экк, которого царица заваливала заказами, но мастер, приносившийся к темпу и темпераменту правительницы, выполнял всё в срок.

Если верить Казимиру Валишевскому, в богатейшем гардеробе Елизаветы Петровны (около 15 тысяч платьев!) были и стилизованные военные наряды — французского мушкетера, казацкого гетмана, голландского матроса, — и настоящие мундиры. Она особенно любила темно-зеленую штаб-офицерскую форму лейб-гвардии Преображенского полка, в которой ее запечатлел художник Георг Христоф Гроот. На портрете прекрасно видны детали: шляпа с галуном и белым плюмажем, сапоги со штибель-манжетами, шарф с кистями, зеленый камзол и того же цвета кюлоты, кафтан — всё как носили в те годы офицеры-преображенцы.

Елизавета Петровна надевала мундиры во время полковых праздников. Она была хороша в расшитой галунами форме и в ботфортах, верхом на статном жеребце. Офицеры и солдаты любовались своей императрицей, что было ей, безусловно, на руку. Ладно сшитые, полностью соответствующие регламенту мундиры укрепляли то жизненно важное чувство родства с войсками, которое обеспечивало их преданность правительнице.

* * *

Елизавета Петровна — плоть от плоти своей эпохи. Пудра и маска были главными атрибутами людей XVIII столетия, обман — их образом жизни. Именно тогда появился шевалье Шарль д'Эон, хищный андрогин, охотившийся за военными тайнами по всей Европе. Он прожил четыре года в Санкт-Петербурге и свел близкое знакомство с императрицей Елизаветой, хохотушкой-травести.

ШАРЛЬ Д'ЭОН В ПЕТЕРБУРГЕ

В приключенческой автобиографии, составленной в Англии уже на склоне лет, шевалье красочно описал свою жизнь в российской столице. Он приехал в этот волшебный город отнюдь не из туристического любопытства, а с секретным заданием: укрепить благополучие обожаемой Франции, сблизить ее с капризной Россией, сдружить короля Людовика XV с императрицей Елизаветой. В 1756 году, когда Шарль готовился к судьбоносной миссии, разворачивалась война между Австрией, Францией, Англией и Пруссией, названная впоследствии Семилетней. В нее неизбежно должна была вступить Россия, поддерживавшая Англию, но уже не на шутку растревоженная ее союзником, воинственным прусским королем Фридрихом II. Положение было сложным, расклад сил мог каждую минуту измениться, и, хотя английский король пока еще оставался

союзником Елизаветы Петровны, действия Фридриха II, угрожавшие западным границам России, могли серьезно навредить дипломатической дружбе двух монархов. Людовик XV прекрасно понимал: следовало перетянуть Елизавету на свою сторону и убедить ее повременить с отправкой войск в Пруссию.

Одним из звеньев сложной политической интриги была секретная миссия Александра Дугласа в Петербург в качестве официального представителя французского двора. Король поручил ему всеми возможными, невозможными и даже немислимыми средствами расстроить дружбу императрицы с британским монархом, убедить ее в том, что Англия — волк в овечьей шкуре, хитрый коварный враг, желавший России лишь поражения, тогда как Франция может стать верным союзником, ведь у двух государств общие внешнеполитические интересы. Принц Конти, один из участников интриги, предложил Дугласу взять в помощники Шарля д'Эона, двадцативосьмилетнего полиглота и переводчика.

По мнению Конти, отправлять двух благородных мужей с секретной миссией было рискованно: они могли вызвать подозрения. Но если посланец прибудет в Россию с очаровательной спутницей, то все пойдет как по маслу. И такой спутницей должен был стать д'Эон.

«Но как, мой достопочтенный Принц, как я могу изменить моим мужским привычкам, костюму, шпаге и кавалерийским ботфортам, ради дамских платьев и пастушеских париков», — взмолился молодой человек. Конти ожидал подобной реакции и заранее приготовил ответ: «Мой друг, вы измените своей натуре не ради платьев, а ради благополучия Франции, разве нет более почетной жертвы. К тому же, — продолжал принц, — вам нужно будет проникнуть в личные покои русской императрицы, стать ее секретарем и поверенным в тайной переписке с королем. Не плачьте, мой друг. Из вас получится очаровательная переводчица, ведь вы так похожи на женщину».

То, что лишь наметила подслеповатая природа и рассмотрел внимательный Конти, до совершенства довела некая мадам Май, нанятая принцем. Она ежедневно по многу часов выбивала из д'Эона мужчину и лепила из его размякшей, податливой плоти прелестную стройную бонтонную барышню, а Николая Монин учил его премудростям шифровального искусства и тонкостям дипломатического языка. Чудесная метаморфоза, задуманная принцем Конти, случилась в июне 1756 года — Шарль превратился в очаровательную мадемуазель Лию де Бомон, которая в августе прибыла в Санкт-Петербург.

Именно так писал д'Эон в автобиографии.

Документы, обнаруженные современными исследователями во французских и британских архивах, разрушили то, что так талантливо сочинил шевалье на склоне лет. Не было ни юбок, ни фижм, ни париков а-ля пастушка. Шарль действительно приехал в Санкт-Петербург в 1756 году, но не в августе, а в июле, и не в платье, а в элегантном скромном кафтане, кюлотах и треуголке посольского секретаря. В его паспорте, выданном русской Государственной коллегией иностранных дел, значилось: «Д'Эон де Бомон, секретарь посольства французского». Ему еще ни разу не доводилось надевать женское платье, ходить в туфельках на французском каблучке, делать книксены и танцевать за даму. И даже через двадцать лет, когда ему пришлось все это осуществить по приказу французского короля, он совсем не напоминал женщину: не умел красиво ходить, гусыней переваливаясь с ноги на ногу, и страшно мучился с корсетами и фижмами. В Петербурге, если верить его запискам, он должен был не только умело играть барышню, не вызвав ни у кого подозрений, но и вести светский образ жизни, ходить по гостям, танцевать на балах, сделаться подружкой самой императрицы. Даже опытному травести такое было не под силу, а молодому д'Эону тем более.

Посланник двора Дуглас в Петербурге первым делом связался с графом Михаилом Воронцовым, агентом французского влияния при дворе Елизаветы Петровны, и передал ему секретное письмо от министра иностранных дел Руйе, в котором содержались некоторые деликатные просьбы дипломатического характера и выражались искренние надежды на его бесценную помощь и участие. Сребролюбивый граф все понимал без витиеватых сентенций, полных тайного смысла, и свою бесценную помощь оценил весьма высоко. Звонкая монета, поднесенная вместе с письмом, мгновенно его преобразила: да, да, конечно, он готов помочь всем, чем сможет, *sans doute*, несомненно. Точно так же отвечали и прочие сановные лица, которых французы бессовестно подкупали золотом и драгоценным породистым бургундским из личной коллекции д'Эона. В подвалы графа Воронцова чудесным образом переместились 1900 благородных бутылей, и Шарль был почти разорен, но что такое опустошенные погреба в сравнении с дипломатическими и придворными предпочтениями, которыми его вознаградили в Петербурге?

Он всюду был почетным гостем, лучшие дома принимали его с королевскими почестями. Русские аристократки приветливо ему улыбались и, подобно придворным вельможам, готовы были на разные услуги —

пусть даст лишь знак. «Прелестницы, — восторгался в письме д'Эон, — они совершенны, восхитительны, роскошны. Русскую царину окружает целый полк изящных нимф!» Впрочем, этот полк не помешал ему наладить связь с его командиром, Елизаветой Петровной.

Осенью 1756 года Шарль вошел в близкий императорский круг и вместе с Дугласом стал часто бывать у царицы с партикулярными визитами, благо жили французы неподалеку — в каменном доме графа Апраксина. Они с удовольствием отмечали, как день ото дня росло влияние графа Воронцова при дворе, а вместе с ним и профранцузские настроения. Елизавета все чаще упоминала в разговорах Людовика XV и все жестче отзывалась о графе Бестужеве, агенте английского влияния. Ее любовник Иван Шувалов, бонвиван, галломан, неисправимый модник, тоже симпатизировал Франции, откуда регулярно получал кафтаны, парчу, кружева, парфюм, вино. В итоге Воронцов и французская партия победили: в 1757 году царица поставила свою подпись в союзническом договоре, официально перейдя на сторону Франции и объявив войну Пруссии. С радостными вестями и секретными бумагами в шкатулке д'Эон помчался на родину. Спешил так, что загнал несколько лошадей и подвернул ногу, но все это было пустое: он успел, домчал до Парижа за месяц, несмотря на весеннюю распутицу и разгоравшуюся в Европе войну.

Исхудавший, хромой, но совершенно счастливый, он торжественно и коленопреклоненно вручил королю договор и письмо от царицы, в котором она выражала самые теплые дружеские чувства и надежду на скорую общую победу. Елизавета также передавала через д'Эона 50 тысяч лир золотом господину Вольтеру для составления истории Петра Великого. Шарль робко выразил благородное желание остаться на родине и пролить кровь на войне за обожаемого монарха. Но пылкого лейтенанта от драгун опять ждали в Петербурге: новый официальный посол Франции в России маркиз де Лопиталь придумал секретарю новое поручение.

Примчавшись в русскую столицу и даже не переменяв костюм, Шарль влетел в покои маркиза, готовый, как всегда, служить верой, правдой и неправдой тоже. Посол был краток: Бестужев в опале, профранцузская партия Воронцова победила, Людовик XV и царица Елизавета выразили желание вступить в тайную переписку, и посредником в этом важнейшем государственном предприятии назначен д'Эон.

В зашифрованных посланиях двух монархов почти не было ничего острополитического — всё вокруг да около. Иногда авторы позволяли себе откровения самого бытового характера. Елизавета, к примеру, жаловалась

Людовику на плохое самочувствие, и отзывчивый король мгновенно отправлял в далекий Петербург своего лучшего доктора. В другой раз царица призналась, что страдает от тоски смертельной и спасти ее могут лишь две актрисы «Комеди Франсез», Лекен и Лекларон. Король, однако, в просьбе отказал, сославшись на то, что дамы принадлежат не только государству, то есть ему, но и публике, которая не в силах с ними расстаться. Ответ, кажется, не слишком обидел царицу, ведь в ее окружении уже был человек, способный развлекать, — Шарль д'Эон.

Галантный, остроумный, знаток скабрезных парижских анекдотов, он пришелся Елизавете по сердцу. Она предложила ему остаться в России и поступить к ней на службу. Впрочем, вспомнив все самые изящные галантерейные сентенции, молодой человек увернулся от такого сомнительного предложения, поведав о разговоре в письме министру иностранных дел: «Я уверен, мне следует всегда стоять, повернувшись к Сибири спиной. Лучше я буду нуждаться, но служить Франции, чем получать 100 тысяч ливров, живя в страхе и рабских цепях».

Д'Эон начал скучать по родине и в своих обращениях к министру все смелее намекал на то, что не прочь расстаться с Петербургом. Он выполнил все важные поручения, несколько лет беспорочно служил посредником в переписке между монархами и теперь стремился во Францию. В Европе гремела война, и ему, молодому патриоту, драгунскому офицеру, непременно хотелось попробовать себя в настоящем бою. К тому же Шарль плохо себя чувствовал в русской столице: у него развивались цинга и болезнь глаз, о чем он тоже доложил в министерство. Наконец его услышали. И отпустили.

В августе 1760 года д'Эон покинул российскую столицу таким же подтянутым и безупречно мужественным, каким был четыре года назад, в начале службы при русском дворе. На нем были каска и элегантный мундир капитана королевских драгун. В Париже Людовик XV отблагодарил своего верного рыцаря: назначил пожизненную пенсию в две тысячи лир. Но кавалер, изрядно засидевшийся в северном холодном городе, пылко рвался в бой — он испросил разрешения присоединиться к войскам маршала де Брولьи и помчался под Кассель. В славной битве под Ультропом капитан получил ранение, а весной 1763 года участвовал в торжественном подписании мирного договора, завершившего Семилетнюю кампанию. За проявленную храбрость и дипломатическую хитрость д'Эона наградили орденом Святого Людовика. И отныне, где бы он ни появлялся, бело-золотой крестик на малиновой ленте украшал

отворот его кавалерийского мундира. С ним он запечатлен и на гравированных портретах.

Впрочем, известны и другие изображения: шевалье в чепце, дамском платье со смелым декольте, в оборках, кружевах и с орденом Святого Людовика, приколотым к лифу. И это не злые карикатуры завистников. Д'Эон действительно превратился в женщину, но не в Петербурге, как утверждал в мемуарах, а гораздо позже — в Париже в 1777 году. К этой сомнительной травестии его склонили французский король и неприятные обстоятельства.

С 1763 года шевалье жил в Лондоне, исполнял обязанности французского посла и вновь занимался тем, что получалось у него лучше всего, — шпионажем. Он вербовал английских чиновников, выведывал дипломатические и военные тайны, золотой королевской монетой подкупал обедневших аристократов, опьяняя их бдительность изысканным бургундским. Шарль д'Эон самозабвенно и с большим для себя риском трудился на благо Франции и короля.

Все шло отлично, пока в Лондоне не появился граф де Герши, назначенный новым французским послом. За ним стояла мощная политическая партия, возглавляемая мадам Помпадур, влиятельной любовницей Людовика XV, тогда как д'Эон представлял интересы отнюдь не всемогущего маршала де Брولى. В этой тайной подковерной битве, столь непохожей на благородные баталии Семилетней войны, шевалье проиграл. Его обидно понизили в должности, назначили, словно безусого мальчишку, посольским секретарем, бумагомаракой. Де Герши находил любой повод осмеять его «мужское достоинство» и усомниться в военных заслугах. Он выдумывал мерзкие анекдоты, грубо шутил в адрес Шарля во время посольских ужинов. Это было выше сил д'Эона, шевалье отправил Людовику XV развернутую жалобу и получил ответ: немедленно отбыть во Францию.

Это означало позорную отставку, но подчиняться вздорным королевским распоряжениям и преждевременно выходить на пенсию д'Эон не желал. Наотрез отказавшись возвращаться на родину, он остался в Лондоне и поспешил опубликовать часть секретных документов из личного архива, касавшихся суверена и европейских политических дел. При этом д'Эон намекнул, что непременно обнародует другие, более важные бумаги, если Людовик XV и его дипломатический корпус продолжат упорствовать в своем желании избавиться от него. От шевалье отступили, а через несколько лет из Лондона отозвали главного автора интриг и анекдотов, графа де Герши. Д'Эон остался в Англии, получал неплохое жалованье

от слегка напуганного шантажом французского короля, хотя на родине был объявлен изменником, а его служба в Лондоне официально считалась ссылкой в наказание за содеянные проступки и непослушание.

В 1774 году Людовик XV умер, и шевалье обратился к новому суверену, Людовику XVI, с покаянным письмом: он сожалел о совершенных ошибках, хотел возвратиться во Францию и искупить грехи. Король, обладавший своеобразным чувством юмора, разрешил ему вернуться, но при условии, что д'Эон превратится в женщину, то есть будет носить одежду, подобающую этому полу. Так монарх одновременно простил, посмеялся и оскорбил своего подданного. Делать, впрочем, было нечего. Приехав в Париж в августе 1777 года, бывший дипломат, драгунский капитан, кавалер военного ордена Святого Людовика снял кавалерийский мундир и распрощался с дипломатическими амбициями. Повинуясь королю-весельчаку, он должен был привыкнуть к своему новому полу и приучить себя к платьям, юбкам, корсетам, высоким жарким уродливым парикам и тесным туфелькам. Он впервые искренне посочувствовал дамам, терпевшим невыносимые муки каждый день их великосветской жизни. Расхожая парижская *фрза Il faut souffrir pour être belle*, «Красота требует жертв», стала его девизом.

Жертва политических интриг оказалась несчастной жертвой моды и, увы, объектом насмешек. Как только шевалье приехал в Париж, все прознали про особое условие короля и передавали друг другу, словно анекдот, курьезные строчки монаршего рескрипта: «Повелеваем шевалье д'Эону отныне носить одежду его, то есть женского, пола и запрещаем появляться где бы то ни было в одежде, не присвоенной сему роду».

Шарлю не оставалось ничего другого, кроме как подыграть. Он сделался идеальной мадам. К его услугам были лучшие столичные портнихи, галантерейщицы, кружевницы и парикмахеры. Одно или даже несколько платьев ему сшила лично Роза Бертен, портниха королевы Марии Антуанетты. В записных книжках шевалье, относящихся к тому времени, — множество счетов, имен и адресов. Он заказывал одежду и покупал изящные аксессуары, учился красиво ходить в тяжелых платьях с панье, большими неудобными каркасами под юбкой. Шарль ужасно мучился в тесных туфлях: они жали, ступни, не привыкшие к высоким каблукам, то и дело подворачивались, он боялся упасть, ушибиться. Д'Эон даже выписал себе учителя танцев, чтобы тот научил его красиво и непринужденно двигаться. Но даже после утомительных уроков шевалье не смог в совершенстве овладеть сложным искусством элегантных манер и поклонов. Он остался странной

Шевалье д'Эон в женском наряде

Гравюра XVIII в.

карикатурной полудамой, но зато сделался знаменитостью и желанным гостем в лучших домах Европы. Все хотели познакомиться с этим курьезным андрогинном, бывшим драгуном, бывшим послом и бывшим мужчиной.

В 1780-е годы он вновь переехал в Лондон, потеряв во время Великой французской революции королевскую пенсию и почти все накопления. Д'Эон распродал имущество: сначала драгоценности, потом книги, а после — личные вещи и платья. Когда больше ничего не осталось, стал продавать свой миф: ходил по хлебосольным гостям, бесстыже предавался чревоугодию и травил байки из прежней жизни, приправляя их сальными шутками и политическими секретами, давно потерявшими былую ценность. Он умер в 1810 году в Лондоне в полной нищете, но даже после бесславной кончины вызывал интерес высшего света. Кажется, вся Европа застыла в ожидании вердикта врача, производившего вскрытие тела усопшей мадам д'Эон. Сенсации, которую так ждали, не случилось. Хирург сказал как отрезал: «Органы шевалье д'Эона прекрасно сформированы и относятся к мужскому полу».

ЦАРИЦА - АМАЗОНКА

Екатерина II, подобно Елизавете Петровне, тоже иногда выезжала на охоту, одетая «с головы до ног в мужское платье». Но чаще ее видели в модном амазонском костюме: куртка с отворотами, жилет и широкая юбка с высоким разрезом, в которой удобнее сидеть верхом. В гардеробе царицы хранилось несколько комплектов мужских костюмов, предназначенных для придворных маскарадов и не только. Иногда Екатерина Алексеевна надевала их, «чтобы доставить себе минутку развлечения и веселья». Так было и 17 декабря 1752 года.

Вечером в ее покои проник любезный друг Лев Нарышкин, известный балагур и ничегонеделец. Расшаркался и томно промяукал: увы, его невестка Анна больна, и хорошо бы великой княгине ее навестить. Екатерина, дружившая с Анной Румянцевой (урожденной Нарышкиной), конечно, не могла отказать, к тому же во дворце она скучала. Но как обмануть бдительность приставленной гувернантки Владиславовой и незаметно улизнуть из дворца? Для таких случаев были припасены мужские платья — камзолы, кафтаны, шляпы, кюлоты. Екатерина вызвала своего куафера, молчаливого и устрашающе преданного калмыка, который, не проронив ни слова, все ей принес. Великая княгиня быстро облачилась, привычным движением подобрала волосы, надела треуголку и выпорхнула из покоев молодцеватым «элегантэном» под ручку с проказником Нарышкиным. Села в карету и была такова. «Вечер прошел в самом сумасшедшем веселье», — записала она после.

Кроме эпистолярных свидетельств монаршей травести сохранились и кое-какие визуальные, к примеру забавная миниатюра из собрания Государственной Третьяковской галереи. Ее авторство приписывается Иоганну Штенглину, изображение датируется 1762 годом. Впрочем, вещь могла быть выполнена и раньше — в первой половине или середине 1750-х годов, если принять во внимание костюм, в котором изображена Екатерина Алексеевна. На ней отнюдь не амазонский кафтан, а настоящий мундир, переданный во всех подробностях, со всеми деталями отделки, в которых Штенглин явно знал толк: синее сукно, лимонно-желтый прикладной цвет, серебряный прибор. Это мундир голштинского пехотного полка Герцогини, шефом которого Екатерина была с 1751 по 1762 год.

Самый известный портрет Екатерины в образе травести выполнил Вигилиус Эриксен. Он представил ее в военном костюме, в котором она совершила государственный переворот. Ранним утром 28 июня 1762 года Екатерина находилась в Летнем дворце и готовилась отправиться походом

на Ораниенбаум, чтобы низложить Петра III. Для этого она решила непременно быть в мундире, который попросила у подпоручика лейб-гвардии Семеновского полка Александра Талызина. Это был кафтан образца 1756–1761 годов: однобортный, обшитый золотым галуном с зубчиками и полосками посередине, с отложным воротником, медными пуговицами по борту, обшлагами и карманными клапанами. Самый обычный мундир небогатого младшего офицера, не из лучшего сукна, без гвардейского шика.

Свой бунтарский наряд она составила из того, что было под рукой. Кюлоты, скорее всего, происходили из ее собственного «мужского» гардероба, так как миниатюрные талызинские явно были бы не в пору. Шляпа (если верить портрету Эриксона) также не гвардейская семеновская — отсутствуют характерные золотые кисточки по краям. Согласно легенде, к своей шпаге Екатерина прикрепила вахмистрский темляк, преподнесенный Григорием Потемкиным, служившим в Конной гвардии. Так императрица показала любовь к конногвардейцам, полковником и шефом которых стала. Платье по форме этой части она всегда носила с большим удовольствием.

Символом начала переворота, однако, были не кафтан и шпага, а лента ордена Святого Андрея Первозванного, которую Екатерина (по другой версии Екатерина Дашкова) буквально вырвала из рук обомлевшего графа Панина и кое-как укрепила на кафтане. В шляпе, украшенной дубовыми ветвями, в мундире, ленте и ботфортах она была уже не молчаливой супругой сумасбродного царя. Она стала карающей императрицей-травести, мужественной Минервой в гвардейских доспехах.

Переворот свершился. Петр III с послушной внезапностью умер в Ропше. Екатерина, хоть и стала императрицей, по-прежнему любила передевания. В начале 1763 года она по-юношески резвилась на рождественских маскарадах, не отказывая себе, как и прежде, в «минутке развлечения и веселья». А на одном из них появилась в настоящем военном мундире, впрочем, неизвестно, какого именно полка. Располневшей императрице сложно было выдавать себя за юного гвардейца, и поверх военного кафтана она надела накидку-домино, скрыв им женские округлости фигуры.

Судя по сохранившейся записке, Екатерине Алексеевне вполне удалось это перевоплощение: никто, даже самые близкие придворные, не догадались, кем был ловкий и дерзкий молодой человек в маске, домино и мундире. Вдохновленная костюмным успехом, императрица осмелилась на большее — закутила интригу с одной молодой особой. В своих «Записках»

она подробно описала эту галантную травестийную сцену: «Княжна [Анастасия Долгорукова. — *О. Х.*], прошед мимо, оглянулась. Я встала и пошла за ней; и паки пришли к танцевальному месту... Она оглянулась и спросила: “Маска, танцуешь ли?” Я сказала, что танцую. Она подняла меня танцевать, и во время танца я подала ей руку, говоря: “Как я счастлив, что вы удостоили мне дать руку; я от удовольствия вне себя”. Я, оттанцевав, наклонилась так низко, что поцеловала у нее руку. Она покраснела и пошла от меня. Я опять обошла залу и встретилась с ней; она отвернулась, будто не видит. Я пошла за ней. Она, увидя меня, сказала: “Воля твоя, не знаю, кто ты таков”. На что я молвила: “Я ваш покорный слуга; употребите меня к чему хотите; вы сами увидите, как вы усердно услужены будете”. Усмехнувшись, она отвечала: “Ты весьма учтив и голос приятный имеешь”. Я сказала: “Все сие припишите своей красоте”. На сие она мне говорила: “Неужели что я для вас хороша?” — “Беспримерна!” — вскричала я. “Пожалуй, скажи, кто ты таков?” — “Я ваш”. — “Да, это все хорошо; да кто ты таков?” — “Я вас люблю, обожаю; будьте ко мне склонны, я скажу, кто я таков”. — “О, много требуешь; я тебя, друг мой, не знаю”. Тут паки кончился наш разговор; я пошла в другие комнаты, а княжна пошла со своей компанией»*.

Екатерина была актрисой самого сложного — политического — жанра. Она прекрасно разбиралась в театральном искусстве, обожала комедии и писала пьесы. Кому как не ей было разыгрывать собственных придворных, искусно водить дам за фарфоровые носики. Впрочем, придворные дамы такому вниманию были только рады и даже сами наряжались кавалерами, чтобы потешить веселую царицу. Гораздо серьезнее к переодеванию относилась близкая подруга и сподвижница императрицы, княгиня Екатерина Дашкова, для которой травестия была осознанным выбором, политическим и личным.

«С Е Л И К : И Б А Б А И М У Ж И К »

27 июня 1762 года княгиня Дашкова, вовлеченная в заговор против Петра III, вызвала портного и приказала срочно сшить ей мужской костюм, чтобы остаться неузнанной на улице. Она прождала его весь день и лишь поздно вечером вместо одежды получила ответ: портной с заказом не успевал и умолял простить его. «Это злосчастное обстоятельство

---

* Записки императрицы Екатерины II. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1907. С. 590.

вынуждало меня сидеть в полном одиночестве в моей комнате», — вспоминала Дашкова.

Впрочем, гражданский мужской камуфляж ей не понадобился: 28 июня дерзновенную великую княгиню поддержала гвардия. Опасность ареста миновала, и Дашкова полетела к провозглашенной императрице в своем обычном женском платье. В тот же день обе отважные дамы решили переодеться в военную форму, больше соответствовавшую событиям. Екатерина надела мундир Талызина, Дашкова переоблачилась в преображенский офицерский кафтан Михаила Пушкина.

Княгине понравились и сам гвардейский наряд, и тот эффект, который он произвел. В своих мемуарах она не без удовольствия отметила: «Никто из distinguished сенаторов не узнал меня в моем военном обмундировании, и императрица, быстро это заметившая, сообщила им, кто я... Я была похожа на мальчика в мундире, который осмелился войти в святилище сенаторов и говорить на ухо императрице»*.

Однако этот маскарад понравился не всем. Если верить Михаилу Бутурлину, 28 июня княгиня, одетая в мундир, въехала в расположение лейб-гвардии Измайловского полка и, увидев среди офицеров своего дальнего родственника Василия Нарышкина, попросила его шляпу. Тот обомлел и от вида княгини, и от дерзкой просьбы. И выпалил: «Вишь, бабе вздумалось нарядиться шутихою, да давай ей еще и шляпу, а сам стой с открытой головой!» Об ответе Дашковой Бутурлин умалчивает, но вряд ли ей понравились такие резкие слова.

Тем не менее княгиня не спешила расставаться с мундиром. Еще несколько дней после переворота она щеголяла в кафтане преображенского офицера. Описывая встречу с императрицей, наградившей ее орденом Святой Екатерины, княгиня заметила: «Я поцеловала ее руку в знак благодарности. Я была в военном мундире с красной лентой через плечо и без орденской звезды, в одной шпоре и была похожа на пятнадцатилетнего мальчика»**.

В 1762 году Дашкова впервые преобразилась в офицера, но гражданскую мужскую одежду она носила и раньше, на что в письме к подруге намекает великая княгиня Екатерина Алексеевна: «Между 5 и 6 часами отправляюсь в Екатерингоф. Там я переоденусь, потому что не хочу ехать по городу в мужском костюме; поэтому отказываюсь брать Вас к себе

---

* *Memoires of the Princess Daschkaw*. Vol. 1. London, 1840. P. 83.

** Там же. P. 98.

в карету и советую Вам прямо отправляться туда, а то, чего доброго, этого действительно прекрасного всадника [Екатерину Дашкову. — О. Х.] примут за моего обожателя».

Любопытно, что в зрелом возрасте княгиня не носила мужских цивильных и военных вещей, хотя они ей, верно, нравились. Она предпочитала дорожные костюмы и удобные скромные платья в рациональном английском стиле. Но даже эта неброская одежда вызывала пересуды в обществе: Екатерину Романовну многие считали неприлично «мужеподобной».

Шарль Массон, француз на русской службе, называл ее «мужчиной в своих вкусах, облике и деяниях, но особенно в том, что касалось ее званий, ее директорства в Академии наук». И если бы, продолжал мемуарист, Екатерина II назначила ее гвардейским полковником, то Дашкова «бесспорно, проявила бы себя гораздо ярче тех, кто имеет этот чин». Граф Луи-Филипп Сегюр был солидарен с Массоном: «Только по случайной прихотливой ошибке природы Дашкова родилась женщиной».

И даже поэт Гаврила Державин, которому княгиня покровительствовала, не смог сдержать творческую желчь в таком четверостишье:

*Спутницей была,
Когда с небес на трон
Воссесть Астрея шла;
А ныне — Аполлон.*

Между прочим, литератор Афанасий Бычков нашел и другой вариант державинского стиха, куда более резкий:

*Се лик:
И баба и мужик.*

И даже те немногие, которых Екатерина Романовна называла друзьями, отмечали ее мужской ум и характер. «В ней все — язык и платье — все оригинально... Она родилась быть министром или полководцем, ее место во главе государства», — писала Марта Вильмот. С ней, правда, спорил Александр Герцен, который убеждал читателей, что «Е. Р. Дашкова родилась женщиной и женщиной осталась на всю жизнь». Но русского либерала слушать не стали. За Дашковой прочно закрепилась репутация грубоватой интеллектуалки с мужскими повадками.

Вероятно, именно по этой причине портреты русских «неизвестных» дам, одетых в мундиры и смахивающих на симпатичных юношей, спешат связать с княгиней Дашковой. Так было и с портретом, хранящимся в Государственном историческом музее. На нем изображена круглолицая, розовощекая, пышущая здоровьем девушка в мужском парике и галстук солитер, в мундире с шитьем, звездой и лентой ордена Святой Екатерины. Надпись на обороте как будто не оставляет никаких сомнений в том, кто изображен: *La Princesse Dachkoff, nee Worontsoff, amie del'Imperatrice Catherine* («Княгиня Дашкова, урожденная Воронцова, подруга императрицы Екатерины»). Исследователи, впрочем, установили, что сделана эта надпись гораздо позже самого изображения, уже в XIX веке. Провенанс портрета из собрания светлейшего князя Семена Михайловича Воронцова и сама изображенная дама в мундире свидетельствуют в пользу версии о княгине Дашковой. Однако она ошибочна.

Цвет мундира-колета и форма галунов отсылают к кирасирскому полку. Но Екатерина Дашкова могла носить мундир только лейб-кирасир и лишь с 24 июля 1762 года, когда ее супруг стал вице-полковником этой части, получив чин от самого полковника, то есть императрицы Екатерины II. Однако форма лейб-кирасир в правление Петра III была не такой, как на портрете: офицеры носили кафтаны с зеленым приборным сукном и золотыми галунами. На колете дамы прекрасно видны серебряные галуны и темно-синее приборное сукно.

Кроме того, княгиня Екатерина Романовна явно любила военную форму и себя в ней. Много раз, описывая переворот 1762 года, она упоминала, как хороша была в мундире и как вводила всех в заблуждение своей мальчишеской внешностью. Так что, если бы она позировала художнику в таком щегольском кирасирском колете, то непременно написала бы об этом в «Записках» или упомянула где-нибудь в письмах, и об этом совершенно точно судачили бы современники, которые искали любой повод посплетничать о ее «мужеподобии».

Но таких свидетельств нет, как нет и придворных анекдотов. Круглолицая девушка на портрете — не княгиня Екатерина Романовна. Кто же она? Пока загадка.

Подобных загадок будет еще немало. Дашкова была отнюдь не единственной дамой, которая в екатерининскую эпоху тешила себя мундирами. Причина этого — вовсе не мифическое «мужеподобие». В моде на военный маскарад была отчасти повинна сама государыня. В 1782 году она подписала указ «о дозволении дворянству обоего пола носить платья

таких цветов, которые каждой губернии присвоены». Дамам следовало являться «в столицы во все публичные места и ко Двору Ея Величества» в платьях того же цвета, что и мундиры супругов.

Императрицы Елизавета Петровна и Екатерина Алексеевна, любившие передеваться в мужское и вовсе не думавшие скрывать этот *retit r ch * от придворных, сами провоцировали дам на эксперименты с внешним видом. Некоторые, подражая царственным проказницам, являлись на маскарад напوماженными тонкими юношами в полумужских костюмах и, вероятно, имели успех у представительниц собственного пола, которых они, как императрицы, ловко водили за нос.

И водят за нос до сих пор, особенно доверчивых музейных хранителей, которые, озадаченные прекрасными травести, составляют экспликации анекдотического характера. В Государственной Третьяковской галерее хранится любопытный портрет начала 1770-х годов, в каталогах именуемый «Портретом неизвестного в треуголке». Он был представлен и на последней выставке картин Федора Рокотова, проходившей в Третьяковской галерее в 2016 году. Подпись гласила: юноша написан поверх женского портрета (предположительно Олимпиады Балбековой), но лицо художник оставил без изменений. И даже этот очень странный факт никак не отразился на экспликации. Изображение все еще именуется «неизвестным юношей».

Вероятно, хранители этого любопытного холста никак не могут поверить в то, что в восемнадцатом столетии дамы и кавалеры с невероятной легкостью меняли пол, используя при этом лишь костюм, парик и грим, и что травестия была в порядке вещей, по крайней мере среди столичных щеголей и высшего света. Трудно понять, почему исследователи упорно не хотят замечать приятную выпуклость кафтана «молодого человека» в том месте, где обыкновенно находится женская грудь. И еще сложнее объяснить, почему они не берут в расчет существование женских маскарадных костюмов в мужском стиле, женских амазонок (аналогичных тем, что носила Екатерина Алексеевна), скроенных на мужской лад, и отчего игнорируют красноречивую деталь — треуголку, маленькую и ловкую, какую в те годы носили именно дамы.

Если все это учесть, стало бы понятно, почему Рокотов оставил «неизвестному юноше» женское лицо. Просто не было никакого юноши. Это портрет дамы, но в мужском костюме, возможно маскарадном. И если принять версию о Балбековой за правильную, то на портрете Рокотова — именно она, Олимпиада Сергеевна, супруга Николая Струйского.